

«Дети войны»: трудности социализации и особенности восприятия мира

Самохвалова А.Г.

**ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет»
(ФГБОУ ВО КГУ), г. Кострома, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4401-053X>, e-mail: a_samohvalova@kosgos.ru**

Вишневецкая О.Н.

**ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет»
(ФГБОУ ВО КГУ), г. Кострома, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1591-0077>, e-mail: o_vishnevskaya@kosgos.ru**

Тихомирова Е.В.

**ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет»
(ФГБОУ ВО КГУ), г. Кострома, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3844-4622>, e-mail: tichomirova82@mail.ru**

Шипова Н.С.

**ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет»
(ФГБОУ ВО КГУ), г. Кострома, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0741-1297>, e-mail: ronia_777@mail.ru**

Цель. Выявление трудностей социализации и особенностей восприятия мира в условиях гибридной войны у подростков, проживающих на территориях военных действий и в отдаленных регионах.

Контекст и актуальность. В эпоху войн психика ребенка, несомненно, подвержена травматизации. Социокультурный контекст гибридной войны, интегрирующий военные и невоенные методы деструктивного воздействия, разрушает систему ценностей, веру в позитивное будущее, подвергает риску процессы социализации подрастающего поколения. Крайне важным в современных условиях становится выявление трудностей социализации и специфики образа мира у «детей войны».

Дизайн исследования. В исследовании проверялась гипотеза о наличии общих трудностей социализации у «детей войны», проживающих в эпицентрах военных действий и на отдаленных территориях; а также с помощью критерия Манна-Уитни определялись различия у подростков в реакциях на травматический стресс, в проявлении коммуникативных трудностей и агрессивности, в субъективно-эмоциональном отношении к миру.

Участники. В исследовании приняли участие 94 подростка 15–17 лет ($M = 16,1$; $SD = 2,65$), проживающие с начала специальной военной операции по настоящее время в Луганской Народной Республике ($N = 47$) и в Костромской области ($N = 47$).

Методы (инструменты). Шкала CPTS-RI Р. Пинос, А. Стейнберг «Детская шкала для диагностики тяжести реакций на травматический стресс», в адаптации Е.С. Молчановой; опросник «Трудности в общении со сверстниками и взрослыми» А.Г. Самохваловой; проективный тест «Руки» (hand-test) Э. Вагнера, в адаптации Т.Н. Курбатовой; методика «Мир, в котором я живу... Какой он?» М.А. Одицовой.

Результаты. Выявлены общие барьеры социализации, свойственные «детям войны», — низкая общительность, безынициативность, ожидание негативного отношения к себе, трудности

планирования, склонность к агрессии. Выявлены и различия: для подростков из Луганской Народной Республики свойственны потребность в поддержке авторитетных взрослых, высокий уровень самоконтроля в социальных ситуациях, низкий уровень коммуникативной креативности, склонность к осмыслению мира и готовность изменять его; для костромских подростков — тенденция сепарации от взрослых, вербальные и невербальные трудности, неготовность признавать свои ошибки, демонстративность, эмоционально-позитивное отношение к миру без глубокого его осмысления.

Основные выводы. Социокультурный контекст гибридной войны создает особую, травмирующую ситуацию развития для подростка, вызывая трудности общения и социального взаимодействия, формируя специфический образ «опасного мира».

Ключевые слова: подростки; «дети войны»; социализация; травматический стресс; коммуникативные трудности; образ мира.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 24-28-00725 «Дети эпохи гибридной войны»: трудности социализации, образ будущего, ресурсы психологического благополучия».

Для цитаты: Самохвалова А.Г., Вишневецкая О.Н., Тихомирова Е.В., Шипова Н.С. «Дети войны»: трудности социализации и особенности восприятия мира // Социальная психология и общество. 2025. Том 16. № 1. С. 105–123. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160106>

“Children of War”: Difficulties of Socialization and Peculiarities of Perception of the World

Anna G. Samokhvalova

Kostroma State University, Kostroma, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4401-053X>, e-mail: a_samokhvalova@kosgos.ru

Oksana N. Vishnevskaya

Kostroma State University, Kostroma, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1591-0077>, e-mail: o_vishnevskaya@kosgos.ru

Elena V. Tikhomirova

Kostroma State University, Kostroma, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3844-4622>, e-mail: tichomirova82@mail.ru

Natalya S. Shipova

Kostroma State University, Kostroma, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0741-1297>, e-mail: ronia_777@mail.ru

Objective. Identification of the difficulties of socialization and peculiarities of perception of the world in the conditions of a hybrid war among adolescents living in a zone of military conflict and in territories remote from military operations.

Background. The child’s psyche is most susceptible to trauma in conditions of military conflict. The sociocultural context of a hybrid war, combining military and non-military methods of destructive influence on the individual, puts the process of socialization of the younger generation at risk. It is extremely important in modern conditions to identify the difficulties of socialization and the specificity of the image of the world among “children of war”.

Study design. The study tested the hypothesis about the presence of general difficulties in socialization among “children of war” living in the epicenters of military operations and in remote areas; and

also using the Mann-Whitney test, differences were determined in reactions to traumatic stress, in the manifestation of communication difficulties and aggressiveness, in the subjective-emotional attitude to the world in adolescents of the two groups.

Participants. The sample included 94 respondents aged 15 to 17 years ($M = 16,1$; $SD = 2,65$) and consisted of two groups: teenagers living from the beginning of the special military operation to the present time in the Lugansk People's Republic ($N = 47$), as well as Kostroma teenagers ($N = 47$).

Measurements. The methodological design included the "Children's Scale for Diagnosing the Severity of Traumatic Stress Reactions" (CPTS-RI Scale), R. Pinos, A. Steinberg, adapted by E.S. Molchanova; questionnaire "Difficulties in communicating with peers and adults" A.G. Samokhvalova; projective test "Hands" (hand-test) by E. Wagner, adapted by T.N. Kurbatova; technique "The world I live in... What is it like?" M.A. Odintsova.

Results. General barriers to socialization characteristic of "children of war" have been identified — the presence of basic and meaningful difficulties that arise in communicating with peers and adults, aggressive tendencies of social interaction. Differences have also been established: Lugansk teenagers are characterized by a tendency to get closer to adults, high self-control in communication, fear of using new methods of communication, meaningfulness of the world and a willingness to change it; for Kostroma teenagers — a tendency to separate from adults, verbal and non-verbal difficulties, unwillingness to admit their mistakes, demonstrativeness, an emotionally positive attitude towards the world without deep understanding of it.

Conclusions. The sociocultural context of a hybrid war creates a special, traumatic developmental situation for a teenager, causing difficulties in communication and social interaction, forming a specific image of a "dangerous world".

Keywords: teenagers; "children of war"; socialization; traumatic stress; communication difficulties; image of the world.

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 24-28-00725 «"Children of the era of hybrid war": difficulties of socialization, image of the future, resources for psychological well-being».

For citation: Samokhvalova A.G., Vishnevskaya O.N., Tikhomirova E.V., Shipova N.S. "Children of War": Difficulties of Socialization and Peculiarities of Perception of the World. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2025. Vol. 16, no. 1, pp. 105–123. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160106> (In Russ.).

Введение

Войну называют «наследственным проклятием человечества» [10]. Смерть, ранения, сексуальное насилие, голод, болезни и инвалидность являются примерами наиболее драматических физических последствий войны, а депрессия, тревога и посттравматический стресс — наиболее серьезные проявления эмоциональных расстройств [35]. Война рассматривается как источник не ситуативной, а пролонгированной травмы, связанной с влиянием на человека повторяющихся

ся, вариативных, множественных, предсказуемых травматических событий. Последствием пролонгированной травматизации является комплексное посттравматическое стрессовое расстройство личности, включающее в себя нарушения регуляции эмоций, самовосприятия и нарушения в отношениях [20].

Послевоенные травмы — это мощный негативный человеческий опыт, который навсегда меняет людей, их образ жизни [38]. На основе метаанализа 129 эмпирических исследований ученые установили,

что 22% жителей регионов, охваченных военными действиями, в течение последующих 10 лет страдали от тревоги, депрессии, посттравматического стрессового расстройства, биполярного расстройства и шизофрении [37]. Установлено, что наиболее подвержены таким расстройствам женщины, безработные, одинокие и пожилые люди [39]; молодежь в возрасте 18–24 лет [9; 13; 43]. Однако самой уязвимой категорией, на наш взгляд, являются дети, ведь именно детская психика особенно подвержена травматизации в условиях военного конфликта.

В психологической науке изучение феномена «дети войны» стало активно развиваться в рамках неопсихоанализа на фоне Второй мировой войны. В 1942 году А. Фрейд описала особенности переживания экстремальных условий войны детьми — непосредственными участниками событий военного времени, сфокусировав внимание на долгосрочных негативных последствиях как для физического, так и психосоциального развития [34]. Было показано, что причиной возникновения психологических расстройств служит фрустрация базовых потребностей детей в привязанности, эмоциональной стабильности, постоянстве воспитательного воздействия и любви.

Социализация «детей войны» происходит в специфической социальной ситуации развития, в которой сочетаются такие травмирующие факторы, как непосредственная угроза жизни и здоровью ребенка, его близких, смерть близких, физические травмы, болезни членов семьи [17]. Постстрессовыми проявлениями у дошкольников могут быть различные формы регрессивного поведения (страх смерти и разлуки с родителями, страх незнакомых людей, энурез, утрата навыков). У школьников возможны проблемы в учебной деятельности и

межличностном общении, нарушения поведения, сочетающие агрессивные и депрессивные тенденции, возникновение чувства «вины выжившего», психосоматические проявления [7].

Проводившиеся ранее исследования детей ($N = 286$, 7–18 лет), проживающих в зоне военного конфликта (Донецкая и Луганская области), показали наличие у большей части респондентов соматических и психосоматических проблем. В 62,3% случаев выявлены были астено-невротические расстройства с преобладанием в клинической структуре головных болей, эмоциональной лабильности, повышенной утомляемости, астении, напряжения [24].

Исследование 605 чеченских детей (от 6 до 15 лет), вынужденных переселенцев, переживших военные события дважды (1994–1996 и 1999–2000 гг.), выявило у респондентов множественные симптомы ПТСР. Среди них — депрессивность; дистресс, возникавший при столкновении с чем-то, напоминающим травму пережитого; гипербдительность с раздражительностью и вспышками агрессии; неспособность радоваться, испытывать положительные эмоции; сверхсерьезность, состояния оцепенения, а также гиперактивность, психогенный энурез, тики [8; 15].

Современные исследователи подчеркивают, что детство и юность являются особенно сензитивными периодами развития личности, в связи с чем травматичный опыт переживаний, токсический и пролонгированный стресс, приходящийся на данные этапы онтогенеза, создают негативный фон для психосоциального развития, предсказывая негативные эффекты для функционирования этих детей во взрослой жизни. Агрессивная, «недружественная», «отвергающая», избыточно напряженная среда, в том числе информационная, препятствует эффективно-

му решению возрастных задач, создает предпосылки для развития личностных деформаций, психопатий в будущем [27].

Подчеркивается возможность получения травмы детьми — не только непосредственными участниками военизированных конфликтов, но и их «свидетелями», в том числе находящимися вдалеке от военных действий, но наблюдающими «картины» войны в средствах массовой информации, общающимися с беженцами-одноклассниками, получающими тревожную информацию от взрослого сообщества, родителей. Тревожность родителей, значимых взрослых, их беспокойство транслируются детям [31]. Это нередко приводит к нарушениям регуляционных механизмов, развитию депрессии, фобических состояний, увеличению риска суицида [36].

У мирных жителей, в том числе детей, ставших свидетелями войны, нередко возникают психические травмы, связанные с гибелью близкого человека, пережитым эмоциональным насилием и синдромом «вторичной жертвы» [6]. В условиях длительного военного конфликта возникает чувство безнадежности, блокирующее поиск возможностей и ресурсов для его разрешения [29], что существенно может затруднять процесс социализации ребенка и построения им жизненных перспектив. Кроме того, дети, пережившие коллективную травму войны, менее инициативны в установлении межличностных контактов, испытывают страх самораскрытия, не склонны доверять [41]. Результаты исследования, проведенного в 13 странах после Второй мировой войны, показали, что граждане, столкнувшиеся с войной в детском возрасте, даже по истечении 60 лет проявляли более низкий уровень генерализованного доверия по сравнению с теми, у кого не было такого опыта. Причем этот

негативный эффект с одинаковой силой проявлялся как в странах, проигравших войну, так и в странах-победителях [30].

В современном исследовательском поле проблема влияния войны на психику детей стала активно развиваться на фоне усиления международной напряженности: развития прямых военных конфликтов, терроризма, биотеррора, «скрытой» информационной войны, социально-этнического отчуждения, психологических атак. Возникает понятие гибридных войн, или «новых войн XXI века», сочетающих военные и невоенные («скрытые») формы ведения противоборства [10], основной мишенью в которых становится не столько физическое уничтожение подрастающего поколения, сколько разрушение его менталитета, традиционных ценностей, национальных идей и смыслов, снижающее ресурсность страны, общества, жизнестойкость отдельного человека [4]. Основной мишенью деструктивного воздействия становится «культурный код», психологическое состояние общества как совокупности массовых и коллективных переживаний, представлений, ценностей и установок, влияющих на функционирование всех социальных институтов [20].

В работах Л.И. Божович показано, что личность должна не только приспособливаться к среде, а прежде всего активно воздействовать и на среду, и на саму себя [1]. Невозможность оказывать влияние на социум, а в некоторых ситуациях и на себя в условиях гибридной войны существенно затрудняет развитие личности, под угрозой оказываются психологическое благополучие детей, процессы их успешной социализации, интериоризации гуманных социокультурных норм. У нового поколения происходит деформация образа будущего, появляется неуверенность в себе и мире, снижаются уровень базового доверия и

мотивация достижений. При этом высокая вовлеченность современных детей в интернет-среду и недостаточно высокий уровень самоконтроля делают их незащищенными перед кибератаками и иными сетевыми формами и технологиями гибридной войны. Ситуация социальной нестабильности, ценностного хаоса и разобщенности общества создает «благоприятные» условия для развертывания деятельности националистических, экстремистских, криминальных сообществ, ориентированных на вовлечение подрастающего поколения в свою социальную сеть и идеологию [26; 42]. Именно поэтому проблемы успешной социализации и формирования позитивного образа мира у подрастающего поколения становятся приоритетной государственной задачей.

В связи с актуальностью проблематики **целью исследования** стало выявление у подростков трудностей социализации и особенностей восприятия мира в условиях гибридной войны. В исследовании проверялась **гипотеза** о наличии общих трудностей социализации у «детей гибридной войны», а также о существовании различий в реакциях на травматический стресс, в проявлении коммуникативных трудностей и агрессивности, в субъективно-эмоциональном отношении к миру у подростков, проживающих в зоне военного конфликта и на отдаленных от военных действий территориях.

Метод

Схема проведения исследования. Исследование проводилось индивидуально в личном контакте подростка с психологом, с помощью диагностического комплекса, который был представлен респондентам в виде печатных бланков. Было получено информированное согласие как самого подростка, так и сопровождающего лица. Темы, напрямую свя-

занные с войной, которые потенциально могли нанести психологический вред, не поднимались. Психолог-диагност, проводивший обследование, владеет компетенциями в области индивидуального, кризисного консультирования, что позволяло вести диагностическую беседу в экологичном для респондента формате.

Выборка исследования. В исследовании, проведенном в 2024 году, приняли участие 94 подростка от 15 до 17 лет ($M = 16,1$). Выборка включала две группы сравнения:

В первую группу ($N = 47$, из них 18 юношей, 29 девушек) вошли дети из Луганской Народной Республики (ЛНР), имеющие постоянное место жительства и обучения в зоне открытых военных действий, приехавшие на летний отдых в Костромскую область. Дети являются обучающимися общеобразовательных школ ЛНР, которые с 2022 года переведены на программы, соответствующие российскому образовательному стандарту; подростки говорят как на русском, так и на украинском языках. Владение русской речью позволило использовать опросники, апробированные и валидизированные на русских выборках;

Во вторую группу ($N = 47$, из них 15 юношей, 32 девушки) вошли костромские школьники, учащиеся общеобразовательных организаций, отдыхающие в загородном детском центре.

Методики исследования. Методический дизайн включал инструменты, измеряющие вариативные реакции подростков на травматический стресс, а также различные аспекты социализации личности (специфика общения со сверстниками и взрослыми, наличие агрессивных тенденций, субъективно-эмоциональное отношение к миру, в котором живет подросток); представлен следующими методиками:

— Детская Шкала CPTS-RI Р. Пинос, А. Стейнберг (2002) в адаптации Е.С. Молчановой, позволяющая диагностировать у ребенка 6—17 лет тяжесть реакций на травматический стресс, учитывая травматический опыт (объективные и субъективные реакции ребенка); напоминания об этом опыте (их частота и интенсивность); возникающие вторичные проблемы и стрессы в повседневной жизни ребенка [14];

— Методика для подростков «Трудности в общении со сверстниками и взрослыми» А.Г. Самохваловой (2017), позволяющая выявлять актуальные коммуникативные трудности четырех групп — базовые, содержательные, инструментальные и рефлексивные, возникающие у подростка в ситуациях непосредственного общения со сверстниками и взрослыми [22];

— Проективный тест «Руки» (hand-test) Э. Вагнера, Б. Брайклина, З. Питровского (1962), адаптированный Т.Н. Курбатовой для детей старше 12 лет, предназначенный для диагностики агрессивности (индекс агрессивности поведения возрастает в тех случаях, когда доминантные и агрессивные аттитюды преобладают над аттитюдами, означающими социальное сотрудничество или зависимость), а также выявляющий некоторые тенденции межличностного взаимодействия: доминантность, активность, страх, привязанность, коммуникативность, зависимость, демонстративность, ущербность, отстраненность [11];

— Методика «Мир, в котором я живу... Какой он?» М.А. Одинцовой (модификация теста оценки субъективно-эмоционального отношения ребенка к миру И.А. Буровихиной, созданного для подростков 13-17 лет), позволяющая выявлять эмоциональный, когнитивный и волевой компоненты образа мира, в котором подросток живет [16].

Статистическая обработка полученных данных осуществлялась с помощью программы SPSS Statistics V.19.0. Были использованы описательные статистики, критерий оценки достоверности различий U-Манна-Уитни, а также ранжирование на основе частоты встречаемости изучаемых переменных.

Результаты

В табл. 1 представлены результаты дескриптивного анализа переменных, которые отражают степень выраженности реакции на травматический стресс, а также актуальные коммуникативные трудности подростков, проживающих в зоне боевых действий и на отдаленных территориях.

Сравнение показателей с нормативными значениями демонстрирует, что коммуникативные трудности у подростков из ЛНР находятся в зоне высоких значений и превышают нормативные значения в два раза, в то время как у подростков из Костромы (отдаленного региона) выраженность коммуникативных трудностей соответствует возрастным особенностям [22].

В наших исследованиях уже было установлено, что реакция на травматический стресс значимо выше у подростков, проживающих на территориях, приближенных к эпицентрам военного конфликта [21]. Безусловно, жизнь в условиях военного конфликта представляет собой значительный стресс для подростков, но она также может стать катализатором для развития адаптационных стратегий и укрепления психологической устойчивости. Важно отметить, что эффективность этих механизмов может варьироваться в зависимости от индивидуальных особенностей подростков и доступности внешней поддержки. В данной выборке часть

Таблица 1

Степень выраженности реакций на травматический стресс и актуальные коммуникативные трудности подростков (по данным дескриптивной статистики)

Группы сопоставления	<i>M</i>	<i>SD</i>	Минимум	Максимум	Нормативные значения по методике	Уровень выраженности показателей в эмпирических группах
Реакция на травматический стресс						
Школьники из ЛНР	54	10,5	36	76	< 50 – реакция не выражена > 50 – реакция выражена	Зона высоких значений
Школьники из Костромы	45	8,8	29	66		Зона средних значений
Базовые коммуникативные трудности						
Школьники из ЛНР	25	6,7	13	52	<i>M</i> = 14,8 <i>Sd</i> = 6,1	Зона высоких значений
Школьники из Костромы	15	5,8	4	28		Зона средних значений
Содержательные коммуникативные трудности						
Школьники из ЛНР	25	6,9	13	51	<i>M</i> = 11,53 <i>Sd</i> = 5,6	Зона высоких значений
Школьники из Костромы	15	5,2	3	24		Верхняя граница нормы
Инструментальные коммуникативные трудности						
Школьники из ЛНР	22	5,8	13	39	<i>M</i> = 12,66 <i>Sd</i> = 6,4	Зона высоких значений
Школьники из Костромы	14	6,5	3	27		Зона средних значений
Рефлексивные коммуникативные трудности						
Школьники из ЛНР	22	5,1	13	39	<i>M</i> = 12,35 <i>Sd</i> = 5,6	Зона высоких значений
Школьники из Костромы	14	5,1	3	25		Зона средних значений

Примечания: *M* – среднее значение; *Sd* – стандартное отклонение; *ЛНР* – Луганская Народная Республика.

детей отмечали, что чувствуют постоянную поддержку и помощь со стороны. Результаты исследования показали, что у подростков из Костромы также присутствуют реакции на травматический стресс среднего уровня выраженности. Это полностью соотносится с данными мировых исследований, показывающих, что во время военизированного конфликта страдают не только непосредственные участники, но и невольные свидетели, проживающие на отдаленных территориях, но погруженные в информационную среду и получающие информацию от друзей и близких.

На следующем этапе были проанализированы различия в выраженности переменных у респондентов двух групп (табл. 2).

У 60% подростков, проживающих в ЛНР, наблюдается сильная выраженность *реакций на травматический стресс*. Это проявляется в том, что почти каждый день им «хочется находиться в одиночестве, без друзей» (55%), они «стараятся не разговаривать о том, что случилось, не думать об этом и не испытывать чувств, связанных с теми событиями» (57%), им «бывает тяжело засыпать или они часто просыпаются по ночам», поскольку вновь и вновь переживают травматичные

Таблица 2

**Значимые различия в выраженности изучаемых переменных у подростков
(критерий U Манна-Уитни)**

Переменные	Средний ранг		Значения критерия U Манна-Уитни
	Школьники из ЛНР	Школьники из Костромы	
<i>Реакция на травматический стресс</i>			
Степень выраженности реакции на травматический стресс	2626,5	1651,5	616,5***
<i>Коммуникативные трудности</i>			
Базовые трудности	2986,5	1291,5	256,5***
Содержательные трудности	3076	1202	167***
Инструментальные трудности	2909,5	1368,5	333,5***
Рефлексивные трудности	3047	1231	196***
<i>Компоненты образа мира</i>			
Когнитивный компонент	2665	1613	578***
Эмоциональный компонент	1931	2347	803*
Волевой компонент	2595,5	1682,5	647***

Примечания: * – значимость на уровне $p \leq 0,05$; ** – значимость на уровне $p \leq 0,01$; *** – значимость на уровне $p \leq 0,001$; ЛНР – Луганская Народная Республика.

эмоции (32%). У костромских подростков выраженность реакций на травматический стресс значимо ниже (18%). Это проявляется в негативных образах своего будущего, в осознании своей вины за происходящее. На психофизиологическом уровне нередко возникает бессонница.

Также было установлено, что у девушек реакция на травматический стресс проявляется ярче, чем у юношей, незави-

симо от отдаленности/близости проживания от зоны военного конфликта (табл. 3).

Степень выраженности коммуникативных трудностей всех групп у школьников из ЛНР значимо выше, чем у их костромских сверстников. Мы выделили наиболее часто встречающиеся в общении трудности, занимающие первые пять ранговых позиций в каждой выборке (табл. 4).

Таблица 3

**Значимые различия в выраженности реакций на травматический стресс
у юношей и девушек (критерий U Манна-Уитни)**

Группы испытуемых	Средний ранг	Значения критерия U Манна-Уитни
Юноши из ЛНР	332,5	161,5*
Девушки из ЛНР	795,5	
Юноши из Костромы	267,5	147,5*
Девушки из Костромы	860,5	

Примечания: * – значимость на уровне $p \leq 0,05$; ** – значимость на уровне $p \leq 0,01$; *** – значимость на уровне $p \leq 0,001$; ЛНР – Луганская Народная Республика.

Частота встречаемости коммуникативных трудностей

Ранговая позиция, присвоенная по частоте встречаемости отдельных коммуникативных трудностей	Школьники из ЛНР	Школьники из Костромы
<i>Базовые трудности</i>		
1R	трудности эмпатии	эгоцентризм
2R	трудности в установлении контакта	безынициативность
3R	безынициативность	раздражительность
4R	неуверенность в себе, раздражительность	трудности в установлении контакта
5R	ожидание негативного отношения и предвзятости	трудности эмпатии
<i>Содержательные трудности</i>		
1R	трудности целеполагания	импульсивность
2R	трудности планирования	трудности прогнозирования
3R	трудности прогнозирования	неспособность предвидеть конфликт
4R	трудности ориентации в ситуации общения	трудность выбора способов влияния
5R	импульсивность	трудности ориентации в ситуации общения
<i>Инструментальные трудности</i>		
1R	трудности построения диалога	трудности самоконтроля
2R	неумение точно выражать мысли	экстралингвистические трудности
3R	бедность невербальных проявлений	недифференцированность невербальных проявлений
4R	кинестические трудности	неумение ясно выражать свои мысли
5R	трудность в принятии ведущей роли в общении	просодические трудности
<i>Рефлексивные трудности</i>		
1R	неспособность адекватно оценить себя	неготовность признать собственные ошибки и исправлять их
2R	трудность понимания своих чувств, возникших в процессе общения	трудность самоанализа ситуации общения
3R	трудность понимания ожиданий и намерений партнера	трудность оценки последствий собственных действий
4R	неготовность исправлять свои ошибки	стереотипность общения
5R	трудность оценки последствий собственных действий	трудность понимания ожиданий и намерений партнера

Примечания: R – присвоенные ранги; ЛНР – Луганская Народная Республика.

Значимых различий в проявлении *агрессивных действий в социальном взаимодействии* подростков двух групп не выявлено, однако у школьников из ЛНР чаще наблюдаются тенденции к открытому агрессивному поведению. У 42% подростков установлена реальная вероятность проявления агрессии; у 36% вероятность проявления агрессии существует, но только в особо опасных, угрожающих ситуациях. У школьников из Костромы реальная вероятность проявления агрессии отмечена у 27% подростков. При этом важно отметить общие тенденции и различия в основных показателях, которые раскрывают особенности поведения подростков. В частности, показатели «Активность» и «Агрессивность» выражены в обеих группах. Кроме того, у луганских подростков выражен показатель «Коммуникативность», у костромских — «Демонстративность».

Субъективная оценка отдельных компонентов образа мира у подростков двух групп различна. Так, у луганских школьников более выражены *когнитивный* ($M = 36$) и *волевой* ($M = 34$) компоненты. Они характеризовали мир как наполненный смыслами, отмечали мудрость и загадочность мира, в котором живут. В отличие от них школьники из Костромы отмечали, что мир достаточно простой и нередко лишен смысла. При оценке *волевого компонента* установлено, что подростки из ЛНР полагают, что мир «дарит опыт» и «зависит от воли человека». В отличие от них школьники из Костромы отмечают, что мир «зависит от обстоятельств» и скорее «мир творит меня, чем я его». Для костромичей мир более *эмоционально окрашен* ($M = 37$): приятный, нравственный и радостный. Школьники из ЛНР отмечали, что образ мира не всегда может быть приятным, и кроме радости в нем бывает много грусти. При этом высокую степень опасности мира отмечали подростки обеих групп.

Обсуждение результатов

Полученные данные показывают, что длительное присутствие подростков в зоне вооруженного конфликта создает условия для хронического стресса и тревоги за свою жизнь и жизнь близких, что приводит к развитию вариативных симптомов травматического стресса: на физиологическом уровне — болевые синдромы, нарушения сна, постоянное чувство тревоги; на эмоциональном — неуравновешенность, вспышки гнева, страх; на поведенческом — избегание общения, скрытность, отказ от взаимодействия. Причем из личных бесед с подростками и большой доли однотипных ответов у разных по возрасту и полу подростков стало очевидным, что источником этих деструктивных переживаний является именно ситуация войны. Можно говорить о наличии симптоматики комплексного ПТСР у детей, проживающих в эпицентре военных действий [19]. Причем эти подростки в период пребывания в Костроме не любили рассказывать о травмирующих событиях, отказывались смотреть новости, комментировать военную ситуацию. Это соотносится с более ранними исследованиями жертв войны, где показано, что вторичные психические травмы, наносимые новостями о погибших и раненых среди вооруженных сил и гражданского населения, вызывают эффект «усталости от сопереживания» [33].

У подростков, проживающих вдали от очагов военного конфликта, источник травматизации не очевиден, поскольку степень тяжести реакции на травматический стресс невысока. Возникающие у некоторых подростков негативные образы будущего и ситуативное чувство вины, скорее, можно считать нормативными проявлениями возраста, связанными с одиночеством, межличностными конфликтами, буллингом и др. Некоторые подростки обеспокоены новостями о конфликте, особенно те, у кого родственники

или знакомые принимают участие в СВО. Однако вне прямого воздействия насилия и постоянного страха за свою жизнь и жизни близких риск выраженных реакций на травматический стресс снижается.

Анализ актуальных коммуникативных трудностей показал, что чрезмерно высокий самоконтроль луганских подростков нередко препятствует самовыражению в общении, затрудняет эмпатию, приводит к стереотипности, ригидности коммуникативных действий и лексики, упрямству. Это, вероятно, связано с тем, что переживание неопределенности и экзистенциальной угрозы, особенно в случаях, когда оно сопряжено с чувством гнева, запускает психологические защиты, направленные на восстановление чувства контроля, что приводит к парадоксальному повышению уверенности в своих суждениях о происходящем (в речи возрастают лингвистические маркеры уверенности: «все», «никто», «каждый», «всегда», «никогда», «должны» и т.п.) [28].

Вместе с тем включенность в совместную деятельность с респондентами позволила нам заметить, что подростки пытаются совладать с возникающими трудностями. Доминирующими способами преодоления коммуникативных трудностей у подростков обеих групп являются смех, юмор, ирония (в том числе и самоирония), а также уход от реальности в мечты, фантазии. Этот факт мы связываем с травмирующим контекстом социальной ситуации развития подростков, поскольку смех, смешное позволяет субъекту переместить ситуацию угрозы культурной целостности в нереальный мир — в карнавал, в перевертыш; смех — это смена видения, позволяющая видеть мир с такого расстояния, с какого он будет выглядеть безопасным и смешным [3]. Конструктивное мечтание позволяет осмыслить свою жизнь и поступки, выстроить временную перспективу будущего [18].

Выраженная агрессивность респондентов двух групп, на наш взгляд, может быть признаком напряженности и конфликтности во внутреннем мире подростка или отражением его реакции на сложные внешние обстоятельства. В контексте современной ситуации, судя по данным корреляционного анализа, агрессивное поведение подростков связано с переживанием стресса, нестабильности, страха или неопределенности. При этом сочетание агрессивности с активностью в условиях социальной нестабильности может выступать ресурсом социализации, средством самоутверждения и поиска стабильности через действие [23].

Высокая коммуникативность школьников из ЛНР позволяет им чувствовать поддержку сверстников, расширять социальный капитал, что усиливает их социальную адаптацию и уменьшает чувство изоляции. Однако более охотно подростки общаются в своем привычном кругу, в то время как с малознакомыми, «чужими» сверстниками вступают в контакт неохотно, испытывают вариативные коммуникативные трудности. Это можно объяснить тем, что у жертв войны снижается генерализованное доверие и провоцируется ингрупповой фаворитизм [32].

Демонстративность, свойственная подросткам из Костромы, проявляется в стремлении к самоутверждению, в желании привлечь внимание окружающих. Дефицит внимания подростки восполняют наигранными и протестными моделями поведения. Это соответствует, с одной стороны, возрастным задачам, так как в 15–17 лет центральным личностным новообразованием является самоопределение, формирование новой «внутренней позиции взрослого человека» [5], которую они хотят продемонстрировать. С другой стороны, в контексте напряженной социальной ситуации демонстратив-

ное поведение может быть реакцией на внутренние переживания и выражаться попыткой справиться со сложностями окружающей действительности и использовать все свои имеющиеся ресурсы [25].

Интересно, что луганские школьники, в отличие от костромских сверстников, воспринимают мир более динамичным, изменчивым, наполненным смыслом, а также готовы к его преобразованию, признавая зависимость образа мира от собственной активности, с оптимизмом смотрят в будущее. Т.А. Нестик отмечает, что переживания гнева, характерные для участников военного конфликта, влияют на когнитивные процессы, провоцируя сверхоптимизм и иллюзию контроля, недооценку риска и склонность к рискованному поведению [12]. Кроме того, подростки, живущие в условиях длительного конфликта, вынуждены быстро адаптироваться к меняющимся условиям жизни. Способность адаптироваться к жизненным трудностям и развитие устойчивости могут влиять на формирование более многогранного и разностороннего понимания «образа мира» [2].

Ограничениями исследования являются небольшой объем групп сопоставления, что затрудняет экстраполяцию результатов; использование опросных и проективных методик, что не позволяет глубоко изучить сложность переживаний подростков в условиях войны. Перспективами исследования являются увеличение выборки, включение в нее респондентов, проживающих на приграничных с военными действиями территориях, использование качественных методов исследования, а также разработка технологий психологической помощи «детям войны».

Выводы

1. Социальный контекст гибридной войны, сочетающий военные и нево-

енные способы деструктивного воздействия на подрастающее поколение, является постоянно действующим, травмирующим фактором социализации подростков, вызывая трудности общения и взаимодействия, обуславливая формирование образа «опасного мира». У подростков, проживающих в зоне военного конфликта, реакция на травматический стресс выражена сильнее. Она проявляется ярче у девушек, чем у юношей, причем независимо от близости проживания к зонам военного конфликта.

2. Общими трудностями социализации у подростков, проживающих на территории военного конфликта и в отдаленном регионе, являются трудности установления контакта, безынициативность, ожидание предвзятости и негативного отношения к себе; трудности целеполагания, прогнозирования, трудности выбора способов влияния, ориентации в ситуации общения; агрессивные тенденции социального взаимодействия.

3. Существуют различия коммуникативных трудностей, форм социального взаимодействия и субъективно-эмоционального отношения к миру у подростков двух групп. Для луганских подростков характерны тенденции сближения со взрослыми, высокий самоконтроль в общении, трудности эмпатии, выстраивания диалога, слушания, обратной связи, страх использования новых способов общения; активность и коммуникативность в социальном взаимодействии, ингрупповой фаворитизм; осмысленность мира и готовность изменять его. Для костромских подростков — тенденция сепарации от взрослых, трудности самоконтроля, вербальные и невербальные трудности, неготовность признавать свои ошибки; демонстративность в социальном взаимодействии; эмоционально-позитивное отношение к миру.

Литература

1. *Божович Л.И., Неймарк М.С.* «Значение переживания» как предмет психологии // Вопросы психологии. 1972. № 1. С. 130–134.
2. *Валиуллина М.Е.* Образ мира и защитные механизмы Эго у девушек с различной эмоциональной устойчивостью // Вестник ТГГПУ. 2016. № 1(43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-mira-i-zaschitnye-mehanizmy-ego-u-devushek-s-razlichnoy-emotsionalnoy-ustoychivostyu> (дата обращения: 18.03.2024).
3. *Веракса Н.Е., Баянова Л.Ф., Артемьева Т.В.* Психология смеха в структурно-диалектическом подходе // Культурно-историческая психология. 2023. Том 19. № 3. С. 93–101. DOI:10.17759/chr.2023190311
4. *Гончаренко А.Р.* «Российская гибридная война»: взгляд Запада на внешнеполитический курс России // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 2(20). С. 163–176.
5. *Гуткина Н.И.* Концепция Л.И. Божович о строении и формировании личности (культурно-исторический подход) // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 2. С. 116–128. DOI:10.17759/chr.2018140213
6. *Дымова Е.Н.* Ретроспективный анализ посттравматического стресса в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2021. Том 10. № 3. С. 1–16. DOI:10.17759/cpse.2021100301
7. *Еремينا Л.Ю.* Система социально-психологической работы с детьми, переживающими последствия чрезвычайных ситуаций // Системная психология и социология. Научно-практический журнал. 2011. № 4. С. 61–71.
8. *Захарова Н.М., Цветкова М.Г.* Психические и поведенческие нарушения у мирного населения региона, подвергшегося локальным военным действиям [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 185–197. DOI:10.17759/psylaw.2020100413
9. Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности / *Тарабрина Н.В. [и др.]*. / Под общ. ред. Н.Е. Харламенковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 344 с.
10. *Калдор М.* Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / пер. с англ. А. Ашполонова, М. Дондуковского; ред. перевода А. Смирнов, В. Софронов. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 416 с.
11. *Курбатова Т.Н., Мулер О.Н.* Проективная методика исследования личности «Hand-тест»: Руководство по использованию. СПб.: Иматон, 1995. 64 с.
12. *Нестик Т.А.* Влияние военных конфликтов на психологическое состояние общества: перспективные направления исследований // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 4. С. 5–22. DOI:10.17759/sps.2023140401
13. *Нестик Т.А.* Психологическое состояние российского общества в условиях СВО [Электронный ресурс] // Социодиггер. 2023. Т. 4. № 9(28). URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/psikhologicheskoe-sostojanie-rossiiskogo-obshchestva-v-usloviyakh-svo> (дата обращения: 02.03.2024).
14. *Никольская И.М., Добряков И.В.* Выявление насилия в отношении детей. Руководство для специалистов, работающих в системе защиты детей. Бишкек: Блиц, 2014. 40 с.
15. *Овдун Д.А., Палихов М.С.* Жизненный цикл: детство и чеченская война // Смальта. 2017. № 6. С. 72–74.
16. *Одинцова М.А.* Психология жизнестойкости: учеб. пособие. М.: Флинта, 2015. 292 с.
17. *Олейник А.Д.* Психологические последствия войн для детей // Материалы II Межвузовской научно-практической конференции «Международно-правовые и социально-психологические последствия мировых войн» (г. Москва, 29 марта 2017 г.) / Отв. ред. С.В. Шермазанова. М.: МЮИ, 2017. С. 94–101.
18. *Осин Е.Н., Егорова П.А., Кедрова Н.Б.* Конструктивные функции мечты: от теоретической модели к эмпирической валидации. Часть 1 кинопредпочтений // Культурно-историческая психология. 2023. Т. 19. № 4. С. 56–66. DOI:10.17759/chr.2023190406

19. *Падун М.А.* Комплексное ПТСР: особенности психотерапии последствий пролонгированной травматизации // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Т. 29. № 3. С. 69–87. DOI:10.17759/spp.2021290306
20. Проблема психологического состояния общества и политических процессов в современной России / *Нестик Т.А. [и др.]*. // Вопросы психологии. 2021. Т. 67. № 5. С. 3–14.
21. *Самохвалова А.Г., Вишневецкая О.Н., Шипова Н.С.* Реакции подростков на стресс военного времени // Психология личности: методология, теория, практика / Отв. ред. Д.В. Ушаков и др. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2024. С. 726–732.
22. *Самохвалова А.Г., Екимчик О.А.* Коммуникативные трудности подростка: исследование психометрических качеств опросника «Трудности в общении со сверстниками и взрослыми» // Психологические исследования. 2018. Том 11. № 60. С. 7.
23. *Самохвалова А.Г., Метц М.В.* Межкультурные коммуникативные трудности подростково-мигрантов первого и второго поколений: кросс-культурный аспект // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 3. С. 149–166. DOI:10.17759/sps.2020110310
24. Состояние соматического и психического здоровья детей из зоны антитеррористической операции / *Корнев Н.М. [и др.]* // Здоровье ребенка. 2017. Т. 12. № 1. С. 1–5.
25. *Учаева А.А.* Взаимосвязь акцентуаций характера и копинг-стратегий у подростков // Сборник статей лауреатов XIX Межрегиональной конференции-фестиваля научного творчества учащейся молодежи «Юность Большой Волги» (г. Чебоксары, 26 мая 2017 г.). Чебоксары: Бюджетное образовательное учреждение Чувашской Республики дополнительного образования «Центр молодежных инициатив» Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики, 2017. С. 403–405.
26. *Belavadi S., Hogg M.A.* Social categorisation and identity process in uncertainty management: the role of intragroup communication // *Advances in Group Processes* / S.R. Thye, E.J. Lawler (eds.). Bingley: Emerald Publishing Limited, 2019. P. 61–77. DOI:10.1108/S0882-61452019000036006
27. *Betancourt T.* A Longitudinal Study of Psychosocial Adjustment and Community Reintegration among Former Child Soldiers in Sierra Leone // Board of International Affairs of the Royal College of Psychiatrists. 2010. Vol. 7(3). P. 60–62. DOI:10.1192/S1749367600005853
28. Beyond doubt in a dangerous world: The effect of existential threats on the certitude of societal discourse / *Simchon A. [et al.]* // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2021. Vol. 97. P. 104221
29. *Cohen-Chen S., Van-Zomerem M., Halperin E.* Hope(lessness) and collective (in)action in intractable intergroup conflict // *The social psychology of intractable conflicts: Celebrating the legacy of Daniel Bar-Tal*. 2015. Vol. 1. P. 89–101.
30. *Conzo P., Salustri F.* A war is forever: The long-run effects of early exposure to World War II on trust // *European Economic Review*. 2019. Vol. 120. P. 1–24. DOI:10.1016/j.eurocorev.2019.103313
31. *Elvevåg B., DeLisi L.E.* The mental health consequences on children of the war in Ukraine: A commentary // *Psychiatry research*. 2022. Vol. 317. P. 114798. DOI:10.1016/j.psychres.2022.114798
32. *Fiedler C., Rohles C.* Social cohesion after armed conflict: A literature review. *Research Papers in Economics* [Электронный ресурс]. 2021. URL: https://www.idos-research.de/uploads/media/DP_7.2021_1.1.pdf (дата обращения: 29.10.2023).
33. *Figley C.R.* Compassion fatigue as secondary traumatic stress disorder: An overview // *Compassion fatigue: Coping with secondary traumatic stress disorder in those who treat the traumatized* / C.R. Figley (Ed.). New York: Brunner/Mazel, 1995. P. 1–20.
34. *Freud A., Burlingham D.T.* *War and Children*. New York: Medical War Books, 1943. 181 p.
35. *Jong J.T., Komproe I., Ommeren M.V.* Common mental disorders in postconflict settings // *Lancet*. 2003. Vol. 361. P. 2128–2130.
36. Living in the crossfire: Effects of exposure to political violence on Palestinian and Israeli mothers and children / *Guttman-Steinmetz S. [et al.]* // *International Journal of Behavioral Development*. 2012. Vol. 36. P. 71–78. DOI:10.1177/0165025411406861

37. New WHO prevalence estimates of mental disorders in conflict settings: a systematic review and meta-analysis / *Charlson F.J. [et al.]* // *Lancet*. 2019. Vol. 394. P. 240–248.
38. *Pacek P., Truszczyński O.* Hybrid war and its psychological consequences // *Torun International Studies*. 2020. Vol. 1(13). P. 23–30. DOI:10.12775/TIS.2020.002
39. Prevalence of depression and posttraumatic stress disorder in adult civilian survivors of war who stay in war-afflicted regions. A systematic review and meta-analysis of epidemiological studies / *Morina N. [et al.]* // *Journal of affective disorders*. 2018. Vol. 239. P. 328–338. DOI:10.1016/j.jad.2018.07.027
40. Psychic numbing and mass atrocity / *Slovic P. [et al.]* // *The behavioral foundations of public policy* / E. Shafir (eds.). New York: Princeton University Press, 2013. P. 126–142.
41. Relational mobility predicts social behaviors in 39 countries and is tied to historical farming and threat / *Thomson R. [et al.]* // *Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS)*. 2018. Vol. 115(29). P. 7521–7526. DOI:10.1073/pnas.1713191115
42. *The New Psychology of Health: Unlocking the Social Cure* (1st ed.) / *Haslam C. [et al.]*. London: Routledge, 2018. 510 p. DOI:10.4324/9781315648569
43. Toward an understanding of the Russian-Ukrainian War impact on university students and personnel / *Kurapov A. [et al.]* // *Journal of Loss and Trauma*. 2022. Vol. 28(2). P. 167–174. DOI: 10.1080/15325024.2022.2084838

References

1. Bozhovich L.I., Neimark M.S. «Znachashchie perezhivaniya» kak predmet psikhologii [“Meaningful experiences” as a subject of psychology]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, 1972, no. 1, pp. 130–134. (In Russ.).
2. Valiullina M.E. Obraz mira i zashchitnye mekhanizmy Ego u devushek s razlichnoi emotsional'noi ustoychivost'yu [The image of the world and the protective mechanisms of the Ego in girls with different emotional stability]. *Vestnik TGGPU = Bulletin of the TGGPU*, 2016, no. 1(43). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-mira-i-zaschitnye-mekhanizmy-ego-u-devushek-s-razlichnoy-emotsionalnoy-ustoychivostyu> (Accessed 18.03.2024). (In Russ.).
3. Veraksa N.E., Bayanova L.F., Arnet'eva T.V. Psikhologiyasmekhavstruktumno-dialekticheskom podkhode [Psychology of laughter in the structural-dialectical approach]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2023. Vol. 19, no. 3, pp. 93–101. DOI:10.17759/chp.2023190311 (In Russ.).
4. Goncharenko A.R. «Rossiiskaya gibridnaya voina»: vzglyad Zapada na vneshnepoliticheskii kurs Rossii [“Russian hybrid war”: the West’s view of Russia’s foreign policy]. *Grazhdanin. Vybory. Vlast' = Citizen. Elections. Power*, 2021. Vol. 2, no. 20, pp. 163–176. (In Russ.).
5. Gutkina N.I. Kontseptsiya L.I. Bozhovich o stroenii i formirovanii lichnosti (kul'turno-istoricheskii podkhod) [Concept by L.I. Bozhovich on the structure and formation of personality (cultural-historical approach)]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2018. Vol. 14, no. 2, pp. 116–128. DOI:10.17759/chp.2018140213 (In Russ.).
6. Dymova E.N. Retrospektivnyi analiz posttravmaticheskogo stressa v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Retrospective analysis of post-traumatic stress during the Great Patriotic War]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical and special psychology*, 2021. Vol. 10, no. 3, pp. 1–16. DOI:10.17759/cpse.2021100301 (In Russ.).
7. Eremina L.Yu. Sistema sotsial'no-psikhologicheskoi raboty s det'mi, perezhivayushchimi posledstviya chrezvychaynykh situatsii [System of socio-psychological work with children experiencing the consequences of emergency situations]. *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya = System psychology and sociology*, 2011, no. 4, pp. 61–71. (In Russ.).
8. Zakharova N.M., Tsvetkova M.G. Psikhicheskie i povedencheskie narusheniya u mirnogo naseleniya regiona, podvergshegosya lokal'nym voennym deistviyam [Mental and behavioral disorders among the civilian population of the region subjected to local military actions]. *Psychology and law*, 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 185–197. DOI:10.17759/psylaw.2020100413

9. Intensivnyi stress v kontekste psikhologicheskoi bezopasnosti [Intense stress in the context of psychological safety] / Tarabrina N.V. [et al.] / In Kharlamenkova N.E. (ed.). Moscow: Publ. «Institut psikhologii RAN», 2017. 344 p. (In Russ.).
10. Kaldor M. Nove i starye voyny: organizovannoe nasilie v global'nyu epokhu [New and old wars: organized violence in the global era]. Moscow: Publ. Instituta Gaidara, 2015. 416 p. (In Russ.).
11. Kurbatova T.N., Muler O.N. Proektivnaya metodika issledovaniya lichnosti «Hand-test» [Projective methodology for personality research “Hand-test”]. Rukovodstvo po ispol'zovaniyu. Saint Petersburg: Imaton, 1995. 64 p. (In Russ.).
12. Nestik T.A. Vliyaniye voennykh konfliktov na psikhologicheskoye sostoyaniye obshchestva: perspektivnye napravleniya issledovaniy [The influence of military conflicts on the psychological state of society: promising areas of research]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2023. Vol. 14, no. 4, pp. 5–22. DOI:10.17759/sps.2023140401
13. Nestik T.A. Psikhologicheskoye sostoyaniye rossiyskogo obshchestva v usloviyakh SVO [Psychological state of Russian society in the conditions of Northern Military District]. *SotsioDigger = SocioDigger*, 2023. Vol. 4, no. 9(28). Available at: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/psikhologicheskoye-sostoyaniye-rossiyskogo-obshchestva-v-usloviyakh-svo> (Accessed 02.03.2024). (In Russ.).
14. Nikol'skaya I.M., Dobryakov I.V. Vyyavleniye nasiliya v otnoshenii detei. Rukovodstvo dlya spetsialistov, rabotayushchikh v sisteme zashchity detei [Identifying violence against children. A guide for professionals working in the child protection system]. Bishkek: Publ. Blits, 2014. 40 p. (In Russ.).
15. Ovdun D.A., Palikhov M.S. Zhiznennyi tsikl: detstvo i chechenskaya voyna [Life cycle: childhood and the Chechen war]. *Smal'ta = Smalta*, 2017, no. 6, pp. 72–74. (In Russ.).
16. Odintsova M.A. Psikhologiya zhiznesteiskosti: uchebnik [Psychology of resilience]. Posobie. Moscow: Publ. FlInta, 2015. 292 p. (In Russ.).
17. Oleinik A.D. Psikhologicheskie posledstviya voyn dlya detei [Psychological consequences of wars for children]. Materialy Vtoroi Mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «*Mezhdunarodno-pravovyye i sotsial'no-psikhologicheskie posledstviya mirovykh voyn*» (g. Moskva, 29 marta 2017 g.) [Materials of the II Interuniversity Scientific and Practical Conference “*International Legal and Social-Psychological Consequences of World Wars*”]. Moscow: Publ. MYuI, 2017, pp. 94–101. (In Russ.).
18. Osin E.N., Egorova P.A., Kedrova N.B. Konstruktivnye funktsii mechty: ot teoreticheskoi modeli k empiricheskoi validizatsii. Chast' 1 kinopredpochtenii [Constructive functions of dreams: from theoretical model to empirical validation. Part 1 of film preferences]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2023. Vol. 19, no. 4, pp. 56–66. DOI:10.17759/chp.2023190406 (In Russ.).
19. Padun M.A. Kompleksnoye PTSD: osobennosti psikhoterapii posledstviy prolongirovannoi travmatizatsii [Complex PTSD: features of psychotherapy for the consequences of prolonged traumatization]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Consultative psychology and psychotherapy*, 2021. Vol. 29, no. 3, pp. 69–87. DOI:10.17759/cpp.2021290306 (In Russ.).
20. Problema psikhologicheskogo sostoyaniya obshchestva i politicheskikh protsessov v sovremennoi Rossii [The problem of the psychological state of society and political processes in modern Russia] / Nestik T.A. [et al.]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, 2021. Vol. 67, no. 5, pp. 3–14. (In Russ.).
21. Samokhvalova A.G., Vishnevskaya O.N., Shipova N.S. Reakcii podrostkov na stress voennogo vremeni [Adolescents' reactions to wartime stress]. *Psikhologiya lichnosti: metodologiya, teoriya, praktika / Otv. red. D.V. Ushakov i dr.* Moscow: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2024, pp. 726–732. (In Russ.).
22. Samokhvalova A.G., Ekimchik O.A. Kommunikativny'e trudnosti podrostka: issledovaniye psixometricheskikh kachestv oprosnika «Trudnosti v obshhenii so sverstnikami i vzrosly'mi» [Communicative difficulties of a teenager: a study of the psychometric qualities of the questionnaire “Difficulties in communicating with peers and adults”]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 2018. Vol. 11, no. 60. 7 p. (In Russ.).

23. Samokhvalova A.G., Metts M.V. Mezhkul'turnye kommunikativnye trudnosti podrostkov-migrantov pervogo i vtorogo pokolenii: kross-kul'turnyi aspekt [Intercultural communication difficulties of first- and second-generation migrant adolescents: a cross-cultural perspective]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2020. Vol. 11, no. 3, pp. 149–166. DOI:10.17759/sps.2020110310
24. Sostoyanie somaticheskogo i psikhicheskogo zdorov'ya detei iz zony antiterroristicheskoi operatsii [The state of somatic and mental health of children from the anti-terrorist operation zone] / Korenev N.M. [et al.]. *Zdorov'e rebenka = Child's Health*, 2017. Vol. 12, no. 1, pp. 1–5. (In Russ.).
25. Uchaeva A.A. Vzaimosvyaz' aktsentuatsii kharaktera i koping-strategii u podrostkov [The relationship between character accentuations and coping strategies in adolescents]. Sbornik statei laureatov XIX Mezhregional'noi konferentsii-festivalya nauchnogo tvorchestva uchashcheisya molodezhi «Yunost' Bol'shoi Volgi» (g. Cheboksary, 26 maya 2017 g.) [Collection of articles by laureates of the 19th Interregional Conference-Festival of Scientific Creativity of Students “Youth of the Greater Volga”]. Cheboksary: Publ. Byudzhethnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie Chuvashskoi Respubliki dopolnitel'nogo obrazovaniya “Tsentr molodezhnykh initsiativ” Ministerstva obrazovaniya i molodezhnoi politiki Chuvashskoi Respubliki, 2017, pp. 403–405. (In Russ.).
26. Belavadi S., Hogg M.A. Social categorisation and identity process in uncertainty management: the role of intragroup communication. *Advances in Group Processes* / In Thye S.R., Lawler E.J. (eds.). Bingley: Emerald Publishing Limited, 2019, pp. 61–77. DOI:10.1108/S0882-614520190000036006
27. Betancourt T. A Longitudinal Study of Psychosocial Adjustment and Community Reintegration among Former Child Soldiers in Sierra Leone. *Board of International Affairs of the Royal College of Psychiatrists*, 2010. Vol. 7, no. 3, pp. 60–62. DOI:10.1192/S1749367600005853
28. Beyond doubt in a dangerous world: The effect of existential threats on the certitude of societal discourse / Simchon A. [et al.]. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2021. Vol. 97, p. 104221. (In Russ.).
29. Cohen-Chen S., Van-Zomeren M., Halperin E. Hope(lessness) and collective (in)action in intractable intergroup conflict. *The social psychology of intractable conflicts: Celebrating the legacy of Daniel Bar-Tal*, 2015. Vol. 1, pp. 89–101.
30. Conzo P., Salustri F. A war is forever: The long-run effects of early exposure to World War II on trust. *European Economic Review*, 2019. Vol. 120, pp. 1–24. DOI:10.1016/j.euroecorev.2019.103313
31. Elvevåg B., DeLisi L.E. The mental health consequences on children of the war in Ukraine: A commentary. *Psychiatry research*, 2022. Vol. 317, p. 114798. DOI:10.1016/j.psychres.2022.114798
32. Fiedler C., Rohles C. Social cohesion after armed conflict: A literature review. *Research Papers in Economics [Elektronnyi resurs]*, 2021. URL: https://www.idos-research.de/uploads/media/DP_7.2021_1.1.pdf (Accessed 29.10.2023).
33. Figley C.R. Compassion fatigue as secondary traumatic stress disorder: An overview. *Compassion fatigue: Coping with secondary traumatic stress disorder in those who treat the traumatized* / In Figley C.R. (Ed.). New York: Publ. Brunner/Mazel, 1995, pp. 1–20.
34. Freud A., Burlingham D.T. *War and Children*. New York: Publ. Medical War Books, 1943. 181 p.
35. Jong J.T., Komproe I., Ommeren M.V. Common mental disorders in postconflict settings. *Lancet*, 2003. Vol. 361, pp. 2128–2130.
36. Living in the crossfire: Effects of exposure to political violence on Palestinian and Israeli mothers and children / Guttman-Steinmetz S. [et al.]. *International Journal of Behavioral Development*, 2012. Vol. 36, pp. 71–78. DOI:10.1177/0165025411406861
37. New WHO prevalence estimates of mental disorders in conflict settings: a systematic review and meta-analysis / Charlson F.J. [et al.]. *Lancet*, 2019. Vol. 394, pp. 240–248.
38. Pacek P., Truszczyński O. Hybrid war and its psychological consequences. *Torun International Studies*, 2020. Vol. 1, no. 13, pp. 23–30. DOI:10.12775/TIS.2020.002
39. Prevalence of depression and posttraumatic stress disorder in adult civilian survivors of war who stay in war-afflicted regions. A systematic review and meta-analysis of epidemiological

- studies / Morina N. [et al.]. *Journal of affective disorders*, 2018. Vol. 239, pp. 328–338. DOI:10.1016/j.jad.2018.07.027
40. Psychic numbing and mass atrocity / Slovic P. [et al.]. *The behavioral foundations of public policy* / In Shafir E. (eds.). New York: Publ. Princeton University Press, 2013, pp. 126–142.
41. Relational mobility predicts social behaviors in 39 countries and is tied to historical farming and threat / Thomson R. [et al.]. *Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS)*, 2018. Vol. 115, no. 29, pp. 7521–7526. DOI:10.1073/pnas.1713191115
42. *The New Psychology of Health: Unlocking the Social Cure* (1st ed.) / Haslam C. [et al.]. London: Publ. Routledge, 2018. 510 p. DOI:10.4324/9781315648569
43. Toward an understanding of the Russian-Ukrainian War impact on university students and personnel / Куратов А. [et al.]. *Journal of Loss and Trauma*, 2022. Vol. 28, no. 2, pp. 167–174. DOI :10.1080/15325024.2022.2084838

Информация об авторах

Самохвалова Анна Геннадьевна, доктор психологических наук, профессор, директор Института педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет» (ФГБОУ ВО КГУ), г. Кострома, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4401-053X>, e-mail: a_samohvalova@ksgos.ru

Вишневецкая Оксана Николаевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и акмеологии личности, ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет» (ФГБОУ ВО КГУ), г. Кострома, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1591-0077>, e-mail: o_vishnevskaya@ksgos.ru

Тихомирова Елена Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет» (ФГБОУ ВО КГУ), г. Кострома, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3844-4622>, e-mail: tichomirowa82@mail.ru

Шипова Наталья Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет» (ФГБОУ ВО КГУ), г. Кострома, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0741-1297>, e-mail: ronia_777@mail.ru

Information about the authors

Anna G. Samokhvalova, Doctor of Psychology, Professor, Director of the Institute of Pedagogy and Psychology, Kostroma State University, Kostroma, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4401-053X>, e-mail: a_samohvalova@ksgos.ru

Oksana N. Vishnevskaya, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Acmeology of Personality, Kostroma State University, Kostroma, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1591-0077>, e-mail: o_vishnevskaya@ksgos.ru

Elena V. Tikhomirova, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of General and Social Psychology, Kostroma State University, Kostroma, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3844-4622>, e-mail: tichomirowa82@mail.ru

Natalya S. Shipova, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Special Pedagogy and Psychology, Kostroma State University, Kostroma, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0741-1297>, e-mail: ronia_777@mail.ru

Получена 12.04.2024

Принята в печать 11.03.2025

Received 12.04.2024

Accepted 11.03.2025